

Александренко (Коробко) Лариса Алексеевна

13.11.1937, м. Посадец Плещеницкого р-на (ныне Логойский) Минской обл.

Родилась я на границе с Польшей. Отец – Коробко Алексей Николаевич, служил там начальником погранзаставы, так как это была граница в то время. Мама работала в школе. В нашей семье было двое детей, у меня был старший брат Виталий (1936 г. р.). Маму – Марию Никифоровну, после окончания Оршанского педтехникума прислали сюда на работу в начальные классы, но так как она очень хорошо владела белорусским языком, сразу стала работать в старших классах. Когда я просила маму рассказать что-нибудь о моем месте рождения, она мне всегда говорила: «Гордись, ты родилась на родине известного белорусского писателя – Змитрака Бядули».

Затем отца по службе перевели в Тимковичский погранотряд (это в Копыльском р-не Минской обл.). 17.09.1939 г. Тимковичский погранотряд участвовал в освобождении Западной Белоруссии, и отец перевез нас к себе в Брест. Служил он в 17-м Брестском Краснознаменном погранотряде. В конце 1940 г. получил назначение начальнику погранпоста в д. Яцковичи (это сейчас Каменецкий район Брестской обл.). Перевез нас к себе на самую границу.

Мама вспоминала, как бойцы говорили: «Какая биография будет у детей!» Видимо потому, что время было очень тревожное, а семья была такая сплоченная. Мама и отец всегда выступали вместе в художественной самодеятельности. Отца бойцы очень любили и уважали. В бывшем помещичьем имении, где должна была располагаться застава, шел ремонт, и мы в это время жили в д. Яцковичи в доме у местных крестьян, а затем – уже на самой заставе. Помню, как отец катал меня на велосипеде, а брата Витю за какой-то проступок не стал катать. Здесь, на границе, мы встретили 22 июня 1941г.

В своих воспоминаниях я буду ссылаться на рассказы мамы и старшего брата Виталия, так как мне в начале войны исполнилось три года и семь месяцев, а моих близких уже нет в живых и их рассказы больше никто не услышит.

Отец, уходя по тревоге, успел только сказать маме, чтобы она с нами уезжала к своим родным в Витебскую область. И еще добавил: «Если что со мной случится, Советская власть вас не оставит». Больше мы его уже никогда не увидели! Уехать с нами на свою родину мама не успела, да и не на чем было. По рассказам мамы, чтобы хозяева не выгнали нас, приходилось отдавать им многое из вещей. Чтобы не умереть с голоду, работала у крестьян на разных работах – все умела делать.

К нам сюда, в д. Яцковичи, пришли еще несколько семей пограничников из м. Волчин, где стояла комендатура, в том числе и семья старшего лейтенанта Науменко Игнатия Ивановича: Науменко Мария Яковлевна с двумя маленькими сыновьями – Сашей и Жорой. Через год, в июне 1942 г., после того как выявили всех «восточников», нас увезли в гетто.

Помню, как это было. Немцы и полицаи в большие узлы связывают наше имущество, даже мое красивое выходное платье летит в общую кучу. Мы от страха все плачем, а мама говорит: «Плачьте-плачьте, может, что-нибудь оставят». Затем посадили нас на подводы и повезли в гетто местечка Чернавчицы Брестского района. Какую картину мы там увидели, об этом есть воспоминания Науменко Марии Яковлевны, она описывает пережитый ужас в письме к моей маме, с которой она после войны переписывалась. «Когда нас из Яцкович привезли в гетто, поселили в доме с разбитыми окнами и дверями, он (мой брат Витя) сказал, плача: «Мамочка моя, мы же не убивали, не воровали, за что нас сюда садят?» Мы все плакали. Была жуткая картина. Страшно вспоминать: двухметровая колючая проволока, полицейский с автоматом возле ворот. Это до смерти не забудется».

На основании этой переписки, личных встреч с самой Марией Яковлевной я записала ее воспоминания, хотя она с трудом соглашалась говорить о том времени. Об этом периоде нашей жизни в Музее мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» есть воспоминания моей мамы, а также в музее хранятся личные моего отца (которые маме удалось закопать и они кое-как сохранились), а в экспозиции музея есть фотографии моего отца. О женщинах и детях Брестского гарнизона и пограничной полосы в 2008 г. вышла книга писательницы А.А. Гребенкиной «Живая боль» (которая успела еще в 1986 г. записать воспоминания моей мамы перед самой ее смертью).

Из периода нахождения в гетто у меня самой сохранились отрывочные воспоминания, так как мне было всего 4,5 года, когда нас туда привезли. А были мы там до освобождения более двух лет, поэтому период с конца 1943 по 1944 год помню уже лучше. Главным из этих воспоминаний был страх. Как сейчас помню колючую проволоку, за которой мы находились и выйти оттуда не могли. Вижу – по мостовой, которая находится на уровне моей головы, проходят люди, идет ребенок, на ногах у него резиновые блестящие галоши. И так мне захотелось, чтобы и у меня были такие же! Помню, как у детей глисты лезли прямо изо рта.

Часто утром видели пятна крови на снегу, и помню разговоры взрослых, что опять ночью был расстрел. Стрельба по ночам была постоянной. Брат рассказывал, как в гетто часто приезжала машина, которую все называли душегубкой. Иногда (уже позже, когда матерям стали давать разрешения на работу в радиусе 3–5 км), как рассказывал мой брат, детям разрешали в ближайшей деревне просить милостыню (побираться). Видимо, оттуда у меня сейчас такой характер: я никогда ничего не прошу, а только стараюсь помочь людям, чем могу.

Не выходит из головы рассказ мамы. Как-то она возвращалась с работы и увидела такую картину: мимо проехал полицай на велосипеде, за ним бежит привязанная девочка-еврейка – у нее уже появилась пена изо рта. Эта картина, после рассказа мамы, до сих пор и у меня перед глазами. Помню, как однажды зашли к нам немцы и о чем-то разговаривали с женщинами, детей угостили леденцами. Когда мама у меня потом спрашивала, что я

помню о том времени, я ей рассказала об этом случае. Она объяснила так: было это уже в конце войны, немцы отступали. Несколько пожилых немецких солдат зашли в гетто, говорили женщинам, что они простые рабочие, не хотели воевать и говорили: «Гитлер капут, скоро, мол, вас освободят».

Все время была боязнь потерять маму, я еще долго после войны от нее не отходила ни на шаг.

Из детей, которые были с нами в гетто, хорошо помню Большеву Эльвиру, Щербаковых Женю и ее брата Алика. Женя была очень рыжей и старше нас. Также очень хорошо помню Жору – сына Марии Яковлевны Науменко, детей Александры Ивановны Клещенок – Зину, Майю, Валю и сына Ледика (это был семья директора Чернавчицкой средней школы).

Освобождение помню очень хорошо, мне было уже 6 лет и 8 месяцев. Было лето 1944 г. Стоял страшный грохот, взрослые говорили, что бьет наша артиллерия. Ночью над м. Чернавчицы висели фонари, было светло, как днем. Затем опять артиллерийский обстрел. Однажды утром проснулись – тишина, немцев нигде нет, только полицейские мечутся в панике. Все разбежались – кто куда. Мы с мамой спрятались за каким-то домом, в высокой траве. Сидели долго, а потом мама послала брата в разведку – узнать, что делается в местечке. Брата долго не было, мама очень волновалась. Затем он пробрался к нам, запыхавшись, и рассказал, что полицейский его поймал, спрашивал, где мать, но Витя сумел от него убежать. Кругом слышны были выстрелы.

Днем в Чернавчицы вошли наши танки. Как мы за ними бежали, плача от радости! Этого никогда не забыть... А во дворах домов увидели печальную картину – там лежали наши убитые красноармейцы. Одного запомнила особенно хорошо – он держал огурец в руке. Я бежала за братом, перелезая через забор, упала и разбила на правой руке локоть (чашечка раскололась пополам). Вылечил меня, как рассказывала мама, местный фельдшер «Сорока». Все здесь его так называли. На самом деле его фамилия была Сорочинский Иосиф Игнатьевич, он спасал еще в первые дни войны наших раненых красноармейцев, которые затем ушли к своим и некоторые из них уже после войны приезжали к нему в гости. Он был награжден медалью «За отвагу». Мама рассказывала, что его большая заслуга в том, что мы остались живы.

После проверки, кто мы и откуда, мама устроилась работать на мельницу, чтобы нас подкормить, а затем, узнав, что она учительница, ее вызвали и направили работать в Чернавчицкую среднюю школу с 01.09.1944 г. Уехать, как сделали некоторые из оставшихся в живых, нам было некуда. На письмо мамы, отправленное родителям в Дубровинский район Витебскую область, ответа мы не получили. И только весной 1945 г. мы получили письмо от родных мамы из Слонима и узнали как они там оказались.

9 мая 1945 г., когда вокруг было всеобщее ликование, мы обнялись втроем, сильно плакали. Понимали, что отца мы ужен никогда не увидим. Летом 1945 г. к нам в Чернавчицы приехала тетя Настя – младшая сестра

мамы, тоже учительница (впоследствии она стала Заслуженным учителем БССР). Из ее рассказа мы узнали о трагедии, постигшей всю нашу семью. Оказалось, что родная деревня мамы Русаны в Дубровинском районе была сожжена немцами, а жителей, в том числе и всех женщин нашей семьи вместе с четырьмя детьми, немцы гнали впереди себя, заставляя копать окопы под обстрелом. Так они оказались осенью 1943 г. в лагере на станции Лесная, что в Барановичском районе. Затем они каким-то образом смогли оттуда выбраться и их приютила семья в д. Чемери под г. Слонимом. Во время этих мытарств один ребенок умер. Здесь их и нашли дедушка Никифор Захарович и муж старшей маминой сестры Елены – Трифон Шалатонин, которые были в партизанах. Из г. Слонима Трифон Шалатонин ушел на фронт и погиб под Варшавой. Так что в нашей семье в живых остался только дедушка, участник Первой мировой и гражданской войн, который тоже вскоре после войны умер.

В школу из-за болезни я пошла уже в 1945 г., а брат Витя в – 1944 г., ему исполнилось в июле 8 лет. Я тоже очень просилась взять меня в школу, но сильно болела, и мама говорила, что меня спас военный врач. Маме дали комнатку при школе, где мы и жили, а затем пришлось жить у хозяев, когда в школу приехал директор с семьей, и нам пришлось оттуда выбираться. В Бресте, где мы жили раньше, квартира уже была занята. В общем, началась трудная послевоенная жизнь без отца. Но мы учились хорошо, помогали во всем маме, ведь она работала в сельской школе.

Я окончила среднюю школу с серебряной медалью и в 1955 г. поступила в БГУ на исторический факультет. Имею двух дочерей и внучку.

Минск, 2010